

Сегодня днем, наконец, произошла легализация присутствия пары слуг перед постоянно посещающей особняк Тайгой. Легенда, придуманная Широ, не пестрела изысками и хитросплетениями, ведь он знал, что чем проще ложь, чем меньше в ней деталей, тем проще в нее поверить. Человек сам додумает все что нужно, главное ни опровергать это, ни подтверждать.

Согласно плану, Сейбер была давней знакомой Кирицугу, которая познакомилась с ним в Европе и помогала вести дела с семьей Илии. Никакой конкретики «что» и «как» они делали, никаких указаний на даты и места, ни имен, ни прозвищ, ни намека на магию.

На такую формулировку неглупая Тайга сама додумала все, что ей было нужно, ведь сам Широ ей когда-то сказал, что старший Эмия занимался не самыми «чистыми» и добрыми делами. Простая логическая цепочка, пришедшая в голову самой первой, укоренилась в голове Фуджимуры. Теперь Сейбер тоже была человеком из «теневого» изнанки мира, решающая проблемы с такими, как якудза.

Райдер же назначили в «соучастницы», точнее обозвали её цивильным титулом «секретарь-референт», нанятый для помощи. Естественно в голове Тайги Медуза сразу же окрасилась в «темные» тона. А уж учитывая то, что Тигр знала о якудза не понаслышке, то и лишних вопросов она не задавала, лишь покосилась на Эмию, который со спокойной душой пил из чашки любимый кофе.

Причинами приезда пары стала работа и Кирицугу. Они не знали, был ли он жив, потому надеялись привлечь его к решению проблем. Но, как оказалось, не судьба. Тайга тут же смекнула, что раз нет отца, то они захотят зацепить его единственного сына, который знал о «темной» работе родителя и, следовательно, был подготовлен.

Широ не нужно было читать мысли Фуджимуры, чтобы понять, как и в какие дебри завернули её мысли. Все это читалось в глазах девушки, которая, выслушав все, что ей хотели сказать, уточнив и срок, на который пара девушек останется в особняке, решила забрать Эмию для разговора, ловко вырвав того из цепких лапок сестер.

— Широ, — ткнула кончиком указательного пальца правую щеку мага Фуджимура. — Ты расскажешь, зачем к тебе приехали «друзья» Кирицугу?

Сейчас они оба лежали на кровати одного из отелей, комнату в котором снял Эмия. Девушка ловко извернулась и нависла над магом, смотря своими карими глазами в глаза парня, всем видом давая понять, что хочет услышать правду.

Но даже утоление плотского желания и «грозный» взгляд подруги не были способны вынудить его сказать правду. Она это понимала, но надежда все еще теплилась в груди.

— Тайга, — вздохнул Широ, приоткрыв закрытые до этого глаза. Янтарь смотрел устало, парень понимал, что она просто так не отстанет. И то был не банальный интерес или ревность, нет. Фуджимура волновалась за него, за девочек, ведь, по словам мага, Кирицугу был не чист на

руку, следовательно, и его друзья, прибывшие как раз для его вербовки на «дело», были из той же лиги. Волнение читалось в каждом её движении и тоне голоса, это можно было понять легко и без использования магии. — Я тебе уже говорил, что не могу сказать о том, чем занимался отец. — Девушка нахмурила брови, уже желая что-то ответить, но Эмия перебил её, продолжая: — Не могу сказать и о его делах. Сейбер помогала Кирицугу в прошлом, когда он еще работал с матерью Илии, они хорошо знакомы и не доверять ей я не могу. — Ложь. Опять ложь. Она оставляла на языке неприятное послевкусие. А лгать, смотря в глаза человеку, которого ты любишь и оберегаешь, было неприятнее вдвойне. — Они прибыли в город для поиска отца, как тебе уже было сказано, чтобы он помог с одним делом.

Ложь во благо, ради защиты. Как он мог не защитить эту девушку? Ту, с которой знаком долгие годы, с момента своего «рождения», ту, кто тратил свое время для помощи ему. Именно, только так, ведь мир магии не прощал ошибок. И платить здоровьем или жизнью Тайги за свои просчеты он не желал. Уж лучше отдать свою жизнь, чем знать, что она погибла или стала жертвой опыта очередного ублюдка.

— Ты знаешь, зачем они приехали? Почему остались у тебя дома так надолго? — невольно её ногти впились в кожу его предплечья. Не больно, но ощутимо.

— Знаю, — сбросил новость, словно бобу Эмия, открыто признавая, что в курсе дел родителя. Как это восприняла девушка, было понятно, об этом явно говорила прикушенная нижняя губа и влажные глаза, полные страха.

— И ты...

— Должен им помочь. — Выделил он слово «должен». — Отец должен был помочь им с этим, но сама понимаешь... И вот сейчас его долг упал на меня.

— Широ, — прошептала Фуджимура. Её воображение рисовало ужасающие картины. Она не хотела, чтобы этот рыжий оболтус связывался с криминалом, чтобы он брал на себя ответственность за ошибки родителя! Почему он? Почему сейчас?! Неужели этому миру было нужно, чтобы тот, кому она открылась, тот, кто ответил на её чувства был... Она не хотела этого допустить. Не могла.

— Кажется, я знаю, о чем ты думаешь, — потянул на себя девушку парень, заключая в объятия. Первые несколько секунда она вырывалась, не хотела, чтобы он каким-либо образом ушел от темы, ведь так часто это делал. — Но... — его пальцы сплелись с её, сжимая маленькую, тонкую и нежную руку Тайги. — Это нужно сделать. Иначе просто нельзя. Я знаю, что тебе это претит, что ты не хочешь, чтобы я впутался в эти сети и погрузился еще глубже. — Она тукнулась в его ключицу. Он не удивился, ощутив влагу. — Знаю, что это вряд ли поможет, но... Не беспокойся, все будет хорошо.

И вот опять. Он не мог обещать, что все пройдет именно так, как запланировано. Война за Грааль не была рядовым событием и что-то все равно пойдет не так. От него нужно лишь подстроиться под изменившиеся условия. Даже шансы его выживания не были

стопроцентными.

Никто не застрахован от плачевных стечений обстоятельств. Особенно тот, за спиной которого застыл идеальный убийца, ниспосланный на его голову самим Миром. Он, черт возьми, даже не мог знать, выживет ли в случае хорошего итога. Что сотворит Фоу, если Гайя даст соответствующий приказ? Правильно.

— Обещай, — прижалась к нему Тайга. Её голос был болезненно тих. — Раз я не смогу тебя отговорить от этого, не смогу помочь, то прошу — обещай, что с тобой все будет хорошо. Что ты вернешься, и все будет как раньше.

Хотя как раньше уже никогда не будет.

Они понимали это.

В горле Эмии пересохло. Он не хотел этого говорить. Не желал открывать рот и произносить слова, о которых пожалеет. Ему повезло, что прямо сейчас она не видит его лица. Не видит то выражение, с которым он смотрит в потолок, внутренне проклиная войну, Грааль, Мир и его прихвостней. Судьбу, которая уготовила ему это испытание, итогом которого станет...

На счастливый конец он не рассчитывал, хотя и желал его всем сердцем, стремился к нему не жалея сил и здоровья.

— Обещаю, — зарылся носом в её каштановые волосы Широ, вдыхая запах родного и любимого человека, второй рукой крепко прижимая девушку к себе. — Клянусь, что сделаю все возможное, чтобы вернуться к тебе, — его глаза полыхали эфирным пламенем. Он клялся не только ей, но и себе. Перед лицом того самого Мира, который так жаждал его смерти, и которому он от всей души хотел плюнуть в «лицо». — Все возможное. — Прошептали его губы неслышно для Фуджимуры, нервы которой, наконец, стали расслабляться.

Возможно, он опять врал.

Возможно, он опять недоговаривал, скрывая нечто важное.

Нет, определенно так и было. Она знала это. Иначе и быть не могло, ведь это было в его характере.

Ей так хотелось, чтобы это было правдой. Как когда-то в детстве. Это желание столь сильно, столь обжигающе ярко горело в груди...

Но... Но как раньше уже никогда не будет. Его секреты, секреты Кирицугу, все это било ей в самое сердце. Они словно яд прожигали душу и разум, доставляя практически физическую боль.

«Почему? — думала Фуджимура, неспособная унять слезы. — За что?» — она кляла судьбу и мир, которые делали все, чтобы ударить больнее.

Но больше всего она проклинала свою неспособность что-либо изменить. Свою слабость и глупость. Мог ли помочь ей дедушка? Стал ли её слушать?

Нет. Её никогда не подпускали близко к делам семьи, желая дать нормальную жизнь вдали от грязи и тьмы людской. Она росла в тепличных условиях, получая все, что хочет. У её слова не было веса, чтобы хоть как-то повлиять на деда в «этих» вопросах. Широ для Райги был просто хорошим парнем и другом внучки. И все дела, которые связывали его (деда) с Кирицугу, не могли этого изменить. Старший Фуджимура не стал бы рисковать кланом и семьей ради Эмии.

Это было то, что знала Тайга. Такова была картина, что сложилась в её голове.

Она не знала, что Широ был знаком с «той стороной» дел Райги, что пользовался услугами клана якудза. Ей об этом никто никогда не говорил и не скажет.

Это было не то, о чем она была должна знать.

И именно все это давило на девушку тяжелым грузом.

Она не заметила, как уснула, уносимая в царство Морфея усталостью и грустными думами. Сон её был беспокойным и это не смог изменить даже Широ, прижавший к себе Фуджимуру и поглаживающий той макушку.

Разговор был для них тяжелым и оставил свой отпечаток, не только в их отношениях, но и разуме ранимого Тигренка.

Сначала слова были едва различимы, словно гудение пчелы в глубине разума. Они были искажены, их смысл был непонятен. Но они не утихали. Они то и дело отвлекали её, напоминая зов Нимуэ, который когда-то привел её к озеру и Мечу Обещанной Победы. Эти слова лились в её голову без передышки, без конца. Она ощущала, как внимание ослабевает, приходилось напрягаться даже при выполнении элементарных задач.

Иногда один голос выделяется среди остальных в этом безумном хоре, и она может разобрать его смысл. Эта ясность не длится долго, и вскоре хор возобновляет своё заунывное пение. Но никогда один и тот же голос не выделяется среди остальных, каждый раз разные. Они шепчут о стране и предателях, местах, которые она никогда не видела и не слышала, людях, которых знала и видела впервые. Иногда от них она застывала в ужасе, когда они шептали об огне и мщении, таком жутком, что мир ещё не видывал.

Окружение подернулось рябью, за считанные секунды, меняясь на нечто новое. Новое и знакомое.

— Предатели! — кричал рыцарь из её войска, стоя на одной из сторон кажущегося бескрайним поля. Ему вторили голоса сотен и тысяч. Кто-то поддерживал, кто-то на другой стороне бранился, не соглашаясь.

Кислый воздух, в котором смешалось все, что только можно, раздражал обоняние, вынуждал морщиться и отвлекаться. Рыцарь рядом потянул за узды, успокаивая ощущающего всеобщее напряжение жеребца. То самое напряжение, которое преследует её все это время.

С того мига, как было принесено послание запыхавшимся, бледным и испуганным гонцом. С той минуты, как оно было прочитано несколько раз, ведь верить ему не хотелось вовсе. Оно казалось чей-то ужасно глупой шуткой. Но реальность оказалась куда хуже.

Предательство. Коварный и бесчестный удар в спину от тех, с кем она когда-то преломила хлеб. С теми, кто спал в походе рядом, под одним открытым небом. С теми, кто ел вместе с ней из одного походного котла!

В тот момент она впервые ощутила такой наплыв эмоций, главной из которых был гнев. Гнев на тех, кто посмел все это затеять, на тех, кто их поддержал. Но самым большим разочарованием была она сама, ведь не смогла предугадать. Не смогла понять, какие змеи пригреблись на её груди.

Но не эмоции должны вести её, не они решали, что и как принимать. Нет. Она и только она решала, что нужно делать. Прочь гнев, прочь разочарование и апатия. Лишь холодная голова и точный расчет. Это и только это привело Камелот в золотую эпоху. Только это дало людям настоящего короля. Того, которого они заслужили.

Мир вновь подернулся рябью, и она обнаружила себя в центре битвы, рубящей одного воина в броне за другим. Кровь уже давно окрасила доспех и лицо, замарала светлые, цвета свежего сена волосы. Свет пылавшего когда-то золотом меча стал тусклым. Казалось с каждой смертью подданного, предателя, инакомыслящего он становился все темнее и темнее, пока в какой-то момент вовсе не потух.

Какофония лязга стали о сталь, гневных криков и стонов умирающих, разрывающихся под натиском рубящих ударов доспехов, все это ревело в ушах, кричало голосом неопишуемого существа, которого невозможно было увидеть, лишь ощутить нутром. Каким-то древним инстинктом, который помогал предкам выживать в схватках с мифическими тварями и дикими животными.

Оно ревело, стеноло и смеялось. Это действие отдавало в душе Артурии, распалило эмоции, подкидывало в пламя гнева больше дров. Ныне, любое движение меча отнимало жизнь, каждый вдох короля сопровождался последним выдохом его подданного. Весь мир окрасился красным, а мысли исчезли, снесенные «ревом» неизвестного чудовища, родившегося в горниле

этой войны и смотрящего за происходящим из небытия.

Взмах и меч застрял в воздухе, остановившийся из-за внешней силы.

Или это была собственная рука, понявшая, что она натворила куда быстрее хозяйки?

Алая кровь казалась еще ярче на фоне её бледной кожи, а зеленые изумруды, смотрящие на дело рук своих, задрожали. Дыхание сперло.

Мордред. Её единственный ребенок. Её гордость и самая большая ошибка. Та, кто никогда не должен был родиться, но вопреки всему...

Меч с лязгом выскользнул из рук, падая на тело безымянного воина рядом с белокурым ребенком.

Колени подогнулись, она упала, не в силах отвести взгляда от той, кто как две капли воды был похож на неё саму. Даже не смотря на то, кто был её матерью, не смотря на вздорный характер и воспитание... Артурия видела в Рыцаре Предателе частичку себя. Где-то глубоко внутри. Она, словно только добытый драгоценный камень, требовала огранки.

Почему Пендрагон только сейчас задумалась над этим? Почему она увидела свое нежеланное дитя в новом свете только сейчас? Почему поняла те туманные слова Морганы и Мерлина о Мордред так поздно? Почему эмоции вернулись лишь в этот самый миг?!

Закованные в сталь кулаки сжались до мерзкого скрипа. А рана, нанесенная собственной дочерью, заныла с новыми силами.

— Так вот, что тогда произошло? — неожиданный голос заставил вздрогнуть, унося вместе с неосознанным движением тела бесчисленные шепотки в голове. Разум прояснился, но, вспоминая о том, что и как она думала, остались. — Или... Это то, как ты видела произошедшее?

Глаза с великой тяжестью оторвались от лицезрения собственного мертвого ребенка и, наконец, взглянули на говорившего.

— Широ?.. — пересохшими и потрескавшимися губами смотрела на своего мастера рыцарь, не до конца собрав мысли в кучку. — Что... Как ты?..

— Наша связь «мастер-слуга» с каждым днем становилась все крепче, — тень улыбки мелькнула на его лице, а глаза бесстрастно смотрели на усталое несметным множеством тел поле. — С самого твоего призыва она крепла. Понемногу, по чуть-чуть. Ты ощутила, что тот и без того немалый ручей праны, который соединяет нас и питает тебя, становится все шире? Что магии в тебе становится все больше?

Только после его указания на эту деталь, она смогла это ощутить и понять. Этот процесс был настолько тонким и плавным, что неподкованная в магии Пендрагон банально проморгала его. Не ощутила, ведь на то не было причин.

— Я знала, что мастер может увидеть прошлое слуги, — кивнула задумчивая и взявшая себя в руки королева. Это заняло по ее мнению слишком много времени, но все же вновь пережить тот ужасный день... — Но не думала, что он может... Присутствовать. Это же невозможно, разве нет?

— Как видишь, — развел руками Эмия. — В этом мире возможно все. — Он не пытался двигаться куда-либо, ведь все, куда падал глаз, было устлано мертвецами. — «Нить», что связывает нас, стала достаточно крепка, чтобы наши разумы и души соприкоснулись.

— Но почему ты не просто «видишь» мое прошлое, а... Говоришь сейчас со мной?

— То что сейчас ты видишь и ощущаешь... — начал маг, наконец, сделав шаг со своего места, чтобы подойти ближе. — Не просто воспоминание. Напротив, это игра разума, иллюзия сознания, если угодно. — И словно в подтверждение его слов, мир вокруг начал таять, обращаясь в черный туман, забирающий вместе с собой трупы воинов, сложивших головы с Предателя и Короля.

Осталась лишь Арктрия, Эмия и... Мордред.

Королева посмотрела на неподвижное тело рыцаря-предателя, после недоуменно переведя взгляд на мастера. В зеленых глазах читался вопрос, и не один.

— Та связь, что мы создали, Арутрия, — назвал её настоящее имя Широ, не отводя глаз от изумрудов слуги. — Она сильно отличается от той, которую образовали Илия с Гераклом или Сакура с Медузой. Благодаря ей, я могу не просто увидеть твою жизнь, но ощутить её в полной мере. Поэтому эта битва была такая... — Он изучающее взгляделся в лицо девушки. — Странная. Ведь именно такой ты её запомнила. Не «легенды», а ты.

Артурия вспомнила, какие мысли и чувства кружились в её голове совсем недавно.

— Ты слышал, о чем я думала, — констатировала королева. Ей совсем не понравилось это. Одно дело если посторонний просто наблюдал, но совсем иное — переживал то же, что и она.

— Произошедшее не изменит моего о тебе мнения, — возможно даже не сильно солгал Эмия. — Пусть я видел всё твоими глазами, пусть слышал твои мысли... — Он сделал шаг ближе, все так же смотря в её глаза, будто замороженный. — Ты все еще Артурия Пендрагон.

Королева не знала, как отреагировать на это заявление. Должна она ощущать гнев и раздражение за то, что принадлежащие одной только ей мысли стали известны кому-то

другому? Должна ли потребовать чего-то в ответ за столь вопиющее проявление дерзости? Или сделать так же, как когда-то давно, когда тело было живым, а не созданным магией?

Проще и притягательнее всего выглядел последний вариант: вновь нацепить бесстрастное лицо и отбросить эмоции, сделать вид, что ничего не произошло, уповая на «укрепление» связи мастера и слуги. Игнорировать его слова, но иметь их в виду.

Ей просто нужно опять стать тем королем, которым она была.

Который всех погубил? Из-за которого Камелот пал?! Вновь нацепишь кандалы безразличия?!

Пронесшийся ветром шепот сбил с толку. Артурия в замешательстве и гневном вопросе хмуро уставилась на мастера. Но тот лишь вскинул бровь, молча вопрошая, почему она так на него смотрела. Очевидно, он ничего не услышал, даже с их крепкой связью.

Она попыталась отбросить недоверие и паранойю, вновь пытаясь стать Идеальным Королем...

Королем, который погубил свое королевство.

Смех неизвестного. Мерзкий шепот на краю сознания уже не походил на гудение пчелы, больше напоминая шуршание сухих листьев на ветру.

Широ, судя по нахмуренным бровям, не была по нарву затянувшаяся пауза. Он решил заполнить пустоту разговором:

— Прошу не сопротивляйся укреплению связи, эта магия позволит тебе стать сильнее и увеличит наши шансы на победу. Я смогу передать тебе еще больше праны за раз.

— Если так продолжится... — после минутного молчания начала Артурия. — Какими будут последствия? Как... Как глубоко ты сможешь заглянуть?

— Не глубже, чем ты, — неопределенным тоном ответил маг. — Помни, связь двухсторонняя.

— Я увижу твое прошлое? — Заинтересовано спросила королева. Она могла признаться, что была заинтересована в том, чтобы узнать о своем мастере больше, ведь его рассказы о себе были... Скучны? Нет, скорее он что-то недоговаривал. Но все понимали, что у каждого мага есть свои секреты. Тот же Мерлин, упав на него Авалон, никогда не был хорошим «человеком». За маской добряка скрывалось такое, о чем не знал и не желал знать никто. Но желание увидеть, кто обучил её мастера владению мечом и странной магии, пересиливало пиетет перед личной жизнью, пусть она никогда в этом не признается.

— Нет, — твердо отрезал Широ. От такого быстрого и не терпящего иного ответа, Артурия

удивленно раскрыла зеленые глаза. — Я... У меня нет абсолютно никакого желания показывать это. Потому я всеми силами блокирую «эту» сторону нашей связи.

— Объясни. — Потребовала Пендрагон.

— Если бы не мои усилия, то это, — обвел он руками окружение, которое вновь появилось из черного тумана. Вернулись и мертвецы и бескрайнее поле. — Я увидел и «пережил» вместе с тобой еще неделю назад. Моя магия... Она сцепила наши души нечтом, куда крепче контракта предлагаемого Граалем.

— Именно это «нечто» и дает возможность тебе быть здесь сейчас.

— Да, — кивнул Широ. — И как я говорил, это работает в обе стороны. Если бы не мои усилия, то ты давно бы увидела мое прошлое, которое я не горю желанием показывать.

Эмия вспомнил, что ощущал тогда, в Мальмуте, стоя практически в самом центре Инкубатора — Родильне. Те эмоции, которые принадлежали эфириалу и передавались ему, смешиваясь с собственными ненавистью и гневом. Отлично помнил запахи и звуки: сладковатый аромат смерти, агонии и безысходности, крики обреченных и стенания хлюпающей плоти, каждая клеточка которой наполнена эфиром.

Это и многое другое было тем, что никто и никогда не должен увидеть. И именно из-за этих воспоминаний, из-за прошлой жизни и поступков, он с остервенением блокирует свой разум от подобных нынешней ситуаций.

Почему? Этот вопрос она хотела задать, но рот не желал открываться. Кто она такая, чтобы это спрашивать и уж тем более этого требовать? Потому, вновь приняла решение — промолчать.

— Я постараюсь сделать так, чтобы подобное не повторилось или хотя бы происходило максимально редко.

Эмия понимал, что процесс укрепления связи уже не остановить обычными методами, тут поможет только разрыв. Потому, скрепя сердце, решил укрепить разум, сковав воспоминания и бросив их в самые темные углы души. Туда, куда сила связи доберется в последнюю очередь. А к тому момент как она это сделает — война закончится, срочная надобность в Короле Рыцарей отпадет, и разрыв будет для него безболезненным.

Да, потеря такого сильного семьяра неприятна, ведь использование слуг для защиты семьи он рассматривал уже давно, и его не смущало, что без Грааля, слуги будут поглощать на порядок больше энергии для своего существования. Все эти маленькие проблемы решались им просто — зачерпываем большего количества магии из Эфира.

А держать Сейбер рядом поможет контракт с одной из сестер, с использованием Широ в

качестве мастера-поддержки, каким была мать Илии. Она давала дополнительную прану, а мастером был Кирицугу. Но такая практика пагубно скажется на настоящем мастере. Эфир слишком токсичен неподготовленному организму мастера-проводника, а привыкнуть к нему они будут неспособны. Это он — особый случай с Авалоном и исковерканной душой. Эмия вздохнул и извиняющее посмотрел на Пендрагон.

Так же Широ понимал, что если даст слабину, то его прошлое всплывет в маленькой светлой головке Артурии. То, что было в его прошлом, было несравнимо хуже жизни королевы. Предательство Мордред, ураган эмоций Сейбер, уничтоженное и разоренное королевство, ничего из этого не могло сравниться с Мрачным Рассветом, загоревшимся над Каирном.

Это было его прошлым, его ошибками и его грехами. Эту власяницу он понесет в одиночестве, не отдавая веса никому.

— Хорошо, — кивнула Артурия. Она поверила его словам, даже если в них и проскальзывало нечто неприятное ей.

Мир всколыхнулся, поплыл черным, вязким дымом и унес с собой все. Кроме тела Мордред, которая до сих пор смотрела в небеса невидящим взглядом. Она была единственным, что разум королевы упорно отказывался забыть несмотря ни на что. Отказывался убрать в закрома памяти.

Маг исчез, бросив последний, понимающий взгляд на них. За ним исчезло и небо с солнцем.

Осталась лишь тьма, от одного взгляда на которую, в голове Сейбер простреливало болью. Она её уже где-то видела. Видела этих чернильно-черных змей, извивающихся под ногами.

Видела все это.

Думаешь, сможешь задвинуть меня куда подальше? Я внутри, часть тебя и этого не изменить.

Шепот прошел меж мертвенно-бледных губ Мордред, чьи потухшие изумрудные глаза, не моргая, смотрели на Артуру.

Лицо Пендрагон исказилось в болезненной гримасе, а выдох сквозь стиснутые зубы напоминал стон.